

АНДРЕЙ АВРАМЕНКОВ

ВРЕМЯ

Z

ОПОЛЧЕНЕЦ

18+

Время Z

Андрей Авраменков

Ополченец

«Издательство АСТ»

2026

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-445

Авраменков А. М.

Ополченец / А. М. Авраменков — «Издательство АСТ»,
2026 — (Время Z)

ISBN 978-5-17-187766-8

Егора, главного героя повести «Ополченец», можно назвать неудачником — ни успешной карьеры, ни счастливой личной жизни. Но с началом войны на Донбассе оказывается, что он — прирожденный воин. Вместе с соратниками он встает на защиту родного края. Егору приходится сталкиваться не только с внешними врагами, но и с внутренними. В сборник также вошли истории, посвященные началу военной агрессии Украины против мирных жителей Донбасса, свидетелем и участником чего стал автор. На страницах книги можно встретить реальных личностей, участников этой войны: первого главу ЛНР Валерия Болотова, полевых командиров Алексея Мозгового, Александра «Бэтмена» Беднова, корреспондентов ВГТРК Игоря Корнелюка и Антона Волошина. Всех их уже нет в живых.

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-445

ISBN 978-5-17-187766-8

© Авраменков А. М., 2026
© Издательство АСТ, 2026

Содержание

Ополченец	6
Часть 1	6
Конец ознакомительного фрагмента.	18

Андрей Авраменков

Ополченец

ВРЕМЯ

Z

Серия «Время Z»

Дизайн обложки Василиса Сухорева

При оформлении издания использованы фотоматериалы РИА Новости Медиабанк <https://riamediabank.ru/> (Сергея Бобылева и Константина Михальчевского)

Выпуск произведения без разрешения издательства считается противоправным и преследуется по закону

© Андрей Авраменков, 2026

© ООО «Издательство АСТ», 2026

* * *

Ополченец

Повесть

Часть 1

Маховик войны

Он посмотрел на себя в зеркало, потер седую щетину. «Да, годы идут, Ларик. Куда быстрее, чем хотелось бы, – сказал мужчина своему отражению. – Вот и преклонный возраст подбирается, а проблем меньше не становится. Как так получается? Вся жизнь – борьба. Ох, как я устал бороться! Хочу покоем насладиться, хочу тратить деньги, тискать молодых баб...»

Открыл дверцу бара, взял коньяк и налил немного в бокал. Свет в квартире был приглушен, не давил на глаза, создавал спокойную обстановку. Сколько нервозности было за последние месяцы, это невероятно. Как все достало: разрывающийся от звонков телефон, скверные новости, льющиеся изо всех щелей, многолетние партнеры, теперь вставляющие палки в колеса. И все надо решать, решать, решать. Слишком беспокойно, будто вернулись 90-е годы. Нет, это нынешнее время, скорее всего, даже хуже.

Вышел на балкон. Вид – обалденный. Не прекрасный, завораживающий, живописный, вдохновляющий, а именно обалденный. Это стало решающим фактором в покупке этой квартиры. Внизу – многовековой Киев. Автомобили мчались по своим делам, неимущая молодежь показывала свою дурь, плебеи уныло возвращались с работы. Толпы народа приезжали сюда ежечасно, чтобы вкусить столичной жизни, пробиться из своей теплицы на элитную плантацию, гоняться за неосуществимыми мечтами. Студенты, простые работяги, молодые предприниматели. Жизнь их обламывала пачками.

Но не Иллариона Романовича. В столицу он перебрался уже состоятельным человеком, с солидными счетами в различных банках. Он владел несколькими крупными предприятиями на Донбассе: горно-обогатительным заводом, угольной компанией, предприятием по производству удобрений и химикатов, швейной фабрикой, мясокомбинатом... И это только самое прибыльное и крупное в его небольшой империи. Успешный бизнесмен крепко стоял на ногах к моменту окончательного переезда в Киев. В родном Донцове жить стало просто неудобно – главные деловые контакты находились в столице Украины. Для роста и развития требовалось сделать следующий шаг. И постепенно из местной, региональной элиты он начал уверенно переходить на новый, государственный уровень.

Карьера удачливого и решительного Ларика началась еще в советское время, но по-настоящему его жизнь преобразилась в 1993-м, когда удалось заработать свой первый миллион. В самом разгаре была эпоха первоначального накопления капитала. Кто смел, тот и съел. Самое удивительное для коллег Иллариона, если можно их так назвать, было то, что он всегда выходил сухим из воды, удача любила его.

«Скольких я сломал... – это была не ностальгия, а скорее тревога. Его осознание, что придется расплачиваться. – Многие пытались сломать и меня, но не смогли. Я оказался более увертливым, хитрым и решительным».

Его бизнес-империя год от года расширялась на всю Украину. Вскоре появились предприятия в Винницкой, Львовской, Хмельницкой областях. С Одессой как-то не заладилось, не получилось, но ущерб был минимальным.

Контакты с администрацией президента, инвестиционные проекты, меценатство, благотворительность – все это сделало из Иллариона Романовича очень серьезного человека, имеющего влияние практически на всей территории страны. Он постоянно сбивался, когда пытался

подсчитать свои деньги. И, решая, куда вкладывать их, заключил, что выгоднее всего вкладывать в президента.

Зазвонил мобильный. Илларион Романович вернулся в комнату и, прежде чем ответить, снова отхлебнул коньяка.

– Алло, Ларик! – жесткий и властный голос неприятно резанул слух.

– Да, Борислав. Здравствуй!

– Как самочувствие и настроение?

– Могло бы быть и лучше. Сам понимаешь.

– Где наша не пропадала! Разберемся.

– Что-то не уверен я в этом, – хрипло отозвался Илларион Романович.

– Ничего. Один развал государства пережили, переживем и второй.

Он ничего не ответил.

– Ты уже выводешь деньги? – спросил собеседник грубым, но тревожным голосом.

– Да, постепенно.

– Надеюсь, в Россию?

– На Запад, – неопределенно ответил олигарх.

– Ты с головой дружишь? Они же могут в любой момент заморозить счета, как только получают запрос от этих новых властей. Я свои перевел в Россию. Советчики сказали, что так надежнее.

– Может быть. Но у меня много западных партнеров, в том числе и банков. Поэтому я так решил.

– Ну смотри, не прогадай. Что с предприятиями?

– Борислав, я немного занят. Давай завтра переговорим.

– Как знаешь, я всего лишь хотел помочь. Мы не первый год вместе работаем. У меня доля в твоём бизнесе.

– Я понимаю, но что мы можем сделать сейчас? Мы стремительно теряем власть.

– Деньги никогда не теряют власть. И пока они у нас есть, мы можем влиять, как нам надо. Не хворай.

Илларион понимал, что надо предпринимать какие-то действия, заручиться гарантиями безопасности и сохранности своего бизнеса. Но на него накатила странная апатия.

«Как же все надоело... Что за жизнь такая?.. – тягостно вздохнул он. – Что можно предпринять? Связаться с представителями новой власти? Устроить встречу с нужными людьми, решить вопросы своей безопасности и неприкосновенности? На это уйдет уйма времени и огромная сумма».

Илларион лег на пол и решил попробовать другой вариант, менее затратный по деньгам и силам. Он набрал Вику – безотказную любительницу денег и развлечений, нашедшую состоятельного мужчину. Ее мечта сбылась, она сумела, она смогла! Олигарх в его лице презирал эту куклу, но она помогала снимать напряжение. Когда у тебя много денег, то искренних людей вокруг не остается. Но неформальное общение необходимо любому человеку. Остается лишь презирать лстящих и ищущих выгоды. Илларион Романович закрыл глаза и захотел заплакать, подумав о своей бывшей жене Полине и двух детях – Владе и Розе. Не сумел он много лет назад сохранить свою семью. Бывшая супруга его ненавидит, дети не общаются и носят другую фамилию, чтобы откреститься от отца. Вместе с ними из его жизни ушли последние люди, остались лишь куклы на веревочках, которыми можно манипулировать.

Алкоголь усиливал эмоции: ему хотелось плакать, но слез не было, они высохли когда-то давно, вместе с совестью. Да, эти проблемы, моральные терзания состоятельных людей стары как мир. Тогда почему другим поныне не удается избежать ошибок? Рефлексия всегда была чужда Иллариону Романовичу. Но тут, видимо, старость начала брать свое.

Вика не принесла облегчения, она не была той женщиной, которые спасают. Не избавила от терзаний, не утешила, не сказала доброго слова. Она все болтала и болтала, лежа на его руке, а олигарху становилось только хуже. Он встал с высокой кровати, открыл ящичек резной тумбочки, достал пачку долларов и кинул в нее, словно камнем.

– Пошла вон отсюда. Чтобы никогда я тебя больше не видел.

– Что это такое? Ты обращаешься со мной, как с проституткой!

– Это для тебя открытие? Не смейся меня. Сама знаешь, кто ты есть. Тебе ведь деньги нужны? Так вот они! Хватит на несколько месяцев твоего жалкого существования. За это время успеешь найти нового папика. И не говори, шмара, что я не заботился о тебе! – он злобно, как в фильмах, рассмеялся. Жест и речь были ну уж очень театральными. Только Вика этого, естественно, не поняла.

– Ты как-то изменился... – собирая вещи, со слезами в голосе произнесла она.

– Какое тебе дело до этого? – хмыкнул Илларион Романович и презрительно добавил: – Шавка.

После того как Вика ушла, на душе стало еще хуже от осознания того, в какую сволочь он превратился. Что он взелся на бедную девочку. Ну не наградили ее высшие силы талантами, живет как умеет. Разве заслужила она такое обращение?

– Заслужила! – выкрикнул он в ответ на свои терзания. И тише добавил: – Мы все получим то, что заслуживаем.

Несколько часов Илларион Романович провел в дреме. Из сонного состояния его вывел звонок. Трезвонил директор агрокомпании в Виннице.

– Егорка, чего ты посреди ночи...

– Илларион Романович, началось!

– Что началось? – глаза олигарха округлились.

– Щемить нас начали.

– В каком смысле? Кто?

– Судя по всему, националисты. Они явились ночью на наш агрокомплекс и захватили его. Позвонили мне и сказали, что им требуются все документы на собственность, что у меня есть.

– Подожди. Как вломились? А охрана где была?

– Наша охрана, видимо, нас не очень долюбивала. Короче, они без проблем впустили нациков. Да и что десять мужиков, хоть и с оружием, сделают против трех сотен? Стрелять они не стали, конечно же. В общем, охрана предала. Комплекс в руках националистов. Что мне делать?

– А что милиция, власти?

– Простите, Илларион Романович, но не мне вам рассказывать...

– Да, я тебя понял. На них надеяться не приходится.

– А может, с Серьезным связаться?

– Егорка, да это все уже бессмысленно. Решаться все равно будет не там. Ты, в общем, все документы спрячь, если вдруг к тебе придут. А лучше вообще уезжай, давай ко мне в Киев. А то попадешь под раздачу.

«Ну вот и началось... – напряженно подумал Илларион Романович. – Первый кирпичик из здания выбили. Нет, все-таки надо что-то делать!.. Если пустить ситуацию на самотек, то все развалится».

Новость о рейдерском захвате ничуть не удивила его. Он всего этого ждал. Единственное, в чем заключался шекспировский вопрос, – это бороться за свое или уже хватит, пора уходить на покой? Никак Ларик не мог четко для себя определить план действий и цели. Лет в сорок он, не задумываясь, раздавил бы и уничтожил своих противников, нашел выход из

ситуации и вышел победителем. Но сейчас лень упала на плечи, причем не сиюминутная, а всеобъемлющая, тяжелая.

До утра он валялся на кровати с закрытыми глазами и обдумывал сложившуюся ситуацию. В семь направился в душ. Чтобы взбодриться, пустил на всю холодную воду.

Вернувшись в комнату, включил телевизор. Многие презирали это пережившее свой век устройство, неуважительно именуя его зомбоящиком. Илларион Романович не понимал таких недалеких людей, не умеющих использовать информацию, откуда бы она ни приходила. Ведь все это могло повлиять на его бизнес. На его империю.

Телевизор вещал про какую-то ерунду. Илларион Романович включил ноутбук и полез читать новостные сайты. Наткнулся и на статью, которая касалась непосредственно его самого.

«В Украине продолжают происходить вооруженные конфликты, и неизвестно, когда они закончатся. На руках у людей много оружия, в том числе травматического и огнестрельного. Несмотря на то, что Евромайдан закончился, бывшие участники столкновений продолжают применять на практике полученный опыт. Так, в Виннице три сотни человек захватили агрокомплекс, который принадлежит известному стороннику бывшего президента Виктора Януковича, Иллариону Романовичу Ерофееву. Недовольные жители Винницы вышли, чтобы высказать свое мнение в отношении олигарха.

– Пусть он валит вслед за своим Януковичем и на пару обворовывают Россию, а нашу Украину не дадим!

– Это наша земля и наши заводы! Они принадлежат народу, поэтому мы имеем право здесь находиться! Я считаю, что новая, справедливая киевская власть должна арестовать Ерофеева: он спонсировал преступный режим Партии регионов!

В составе нанятых бойцов выделялись два основных типа. Первые – это совсем молодые парни, одетые во что попало, которые просто ломали и крушили все вокруг. На вооружении у них были биты, обрезки труб, гаечные ключи. Другая группа – опытные бойцы, одетые в синюю камуфляжную форму. Они были основным ударным отрядом, имели пистолеты и обрезы охотничьих винтовок, дымовые пашки, светошумовые гранаты. При этом часть нападавших называла себя бойцами самообороны Майдана, а другие – бойцами «Правого сектора». Во время штурма агрокомбината раздавались патриотические выкрики: «Слава Украине!!!»

У предприятия дежурили две кареты скорой помощи. К медикам обратились три охранника: двое с резаными ранами и один мужчина с огнестрельным ранением в ногу».

– Все-таки охрана что-то предприняла! – практически восторженно вскрикнул Илларион Романович.

Скромно позавтракав, он нашел в записной книжке контакты необходимого человека, непосредственно связанного с новой властью. Долго не мог дозвониться, но через час это дало результат.

– Какие люди серьезные меня беспокоят! – с сарказмом ответил собеседник. Важный человек из новой администрации президента по имени Тарас Ковш. Раньше работал уборщиком в Верховной Раде, но волна «Революции Гидности» вынесла его из пучины, сделав за короткий период видным деятелем. Конечно, помогло, что раньше он стучал на депутатов нужным людям. Те, в свою очередь, не забыли, что есть такой замечательный сподвижник, адепт прозападных идей.

– Приветствую. Я думаю, ты в курсе уже, что у меня стряслось в Виннице.

– Ну как же. Сейчас сюжеты о тебе в топе новостей, – неприязнь звучала в каждой произнесенной букве.

– Мне нужно решить все эти вопросы. Мне надо встретиться с ними.

– А как мы можем помочь-то? Народный гнев – он неуправляем, сам понимаешь.

– Хватит меня за идиота принимать. Я заплачу много денег, взамен мои предприятия должны остаться и работать.

– Много – это такое неконкретное число.

– Тебе лично я заплачу пять миллионов долларов, если замолвишь за меня словечко.

– Лет десять назад я бы даже не задумывался. Но сейчас для меня это не такие уж и большие деньги. Все твое добро стоит в тысячи раз дороже. Лучше я получу часть от твоего пирога.

– Да пошел ты!

Илларион Романович мало верил в то, что удастся договориться полюбовно, но попытаться стоило. Понятно, из него решили сделать показательный пример. Наверняка у многих его соратников начались или начнутся похожие проблемы.

Буквально в считанные дни его империю, если действительно представить ее в виде пирога, значительно понакусывали и поделили. Практически все значительные компании и имущество на западе Украины забрали. Помочь, понятное дело, ни прокуратура, ни милиция не могли. Да и навряд ли хотели. Но крупные промышленные гиганты на территории Донбасса оставались еще в его руках. Он понял, что надо договариваться с людьми на местах. Даже лучше самому туда отправиться, чтобы лично вести дела.

Несколько часов усиленной работы мысли привели к возникновению, в принципе, неплохого плана. Он собрал некоторые важные документы, паспорта и деньги из сейфа. После этого вызвал своего водителя. Направились они в аэропорт: небом и быстрее, и безопаснее. По дороге можно встретить кучу неадекватных отмороzków.

Все прошло без сучка, без задоринки, и самолет взмыл в облака. В Донецке его встретили управляющие компаниями, повезли в ресторан, где можно было и поговорить, и поужинать. Илларион Романович заметно выделялся даже среди этих солидных мужчин. Видно было, кто вожак в стае. Окружающие понимали, что весь их успех и богатство – благодаря Ерофееву.

– Ну что будем делать, Романыч? – сказал Федор Леонидович, пожалуй, самый авторитетный после самого олигарха.

– Мы должны во что бы то ни стало сохранить все наши заводы на Донбассе. С запада страны нас вытесняют. Егор Пономар из Винницы до меня в Киев так и не добрался. Не могу ничего узнать про то, куда он делся... Надеюсь, с ним все в порядке... Но на востоке мы сильны, это наша вотчина.

– Что конкретно надо делать? – влез нетерпеливый и самый молодой Ростик.

– Конкретно? Продолжать вести бизнес.

– К власти приходят люди из народа. Это чревато, они нас не особо любят...

– Это понятно, – моментально отреагировал Илларион Романович и будто стал еще больше, нависая над всеми горой. – Мы должны продумать шаги, быть очень аккуратными. Все должны быть осторожны в своих политических высказываниях. Никто на словах не должен поддерживать киевский режим, там я сам буду разбираться. Не высказывайтесь и в поддержку Донбасса. Любое ваше слово в такое время может уничтожить все, над чем мы так долго работали.

– В общих чертах все понятно... – протянул Федор Леонидович. – Но как избежать эксцессов?

– Никак. Они в любом случае будут. Надо быть готовыми морально и физически к этому. Без моего ведома не предпринимайте никаких важных шагов, потому что это аукнется всем. Я всем буду заниматься лично, – Илларион Романович окинул присутствующих внимательным взглядом. – С Киевом надо разговаривать с позиции силы.

– Да, Романыч, – поддержал Федор Леонидович. – Мы должны выстоять, другого выбора нет. Будем царапаться до конца.

– И я так подумал. Нам есть что терять. И свалить нас не так-то просто, как они думают.

Ерофеев торопливо попрощался со всеми. Вместе с ним ушел и Федор Леонидович, в машину которого они сели. Илларион медленно провел рукой по седым волосам, вздохнул.

Федор Леонидович сделал вид, что не заметил его усталого жеста. Водитель-телохранитель медленно покатыл по широким улицам Донецка.

– После церкви направо поверни, – сказал ему Илларион Романович и обратился к другу:

– Ты детство вспоминаешь?

– Конечно. Сейчас все чаще, – отозвался Леонидович. – Родителей вспоминаю, как с ними было хорошо в детстве. И сердце так щемить начинает. Так тяжело становится. Время-то уже прошло...

– И как ты с этим справляешься?

– Переключаюсь на мысли о внуках. Сразу легчает. Семья должна процветать.

– Семья... – протянул Илларион Романович, вспомнив о своей жене и детях. – Не всем повезло так, как тебе!

Ерофеев попросил водителя остановиться возле многоэтажки, окруженной небольшими домами. Он сказал, чтобы они ждали его здесь, а сам уверенными шагами ушел и затерялся в глубине строений.

Дух здесь сохранился тот же, что и пятьдесят лет назад. Да и облик родного двора практически не изменился. Видно, что дороги ремонтировали, но они снова износились. Видно, что люди стали чуть богаче жить, вставили пластиковые окна и отделали балконы. Для детишек места стало меньше из-за обилия машин, припаркованных то на площадке, то на газоне, то еще где. Но воздух... Он пьянил. И Ерофеев почувствовал себя снова мальчишкой, счастливым и непоседливым. И причудилось ему, что вся его жизнь еще впереди.

Удивительно подействовал на Иллариона Романовича родной двор. Он отогнал сомнения и укрепил в решении, что нужно бороться. И он уже не сомневался. Ерофеев почувствовал себя обновленным, молодым, готовым сломать хребет любому, кто покусится на его добро.

Дорога в Киев показалась быстрой и даже приятной. Возвращаешься назад всегда почему-то быстрее. Он был готов бороться за свое место под солнцем, но не предполагал, с какими неприятностями столкнется. Но все это будет потом.

Сейчас, уже в своей киевской квартире, он набрал набивший оскомину номер, выученный наизусть.

– Алло, Вика. Привет. Очень хочу тебя видеть, приезжай немедленно. Папочка соскучился.

От любительницы красивой жизни не последовало ни одного возражения. Ее достоинство... Собственно, его никогда и не было. Через полчаса они кувыркались в постели. Илларион Романович проявлял юношескую прыть, а красавица выполняла все его прихоти. И вроде все было, как всегда.

* * *

Внешность его не особо располагала. Нельзя сказать, что он был симпатичным или хотя бы приятным. Черты лица – острые и резкие. Он походил на какого-то грызуна, людей это отталкивало на подсознательном уровне. Спина сутулая, телосложение худощавое. Единственное, что в нем могло привлечь внимание, – это голос, совершенно не соответствующий внешности. С таким голосом можно было работать диктором на радио или заниматься озвучкой фильмов. Чистый, спокойный и бодрящий, как холодная вода поутру. Поэтому его всегда слушали в компаниях, хотя рубахой-парнем он не был. Но голос его имел магические свойства: как только он начинал говорить, внимание друзей поневоле оказывалось у него в кармане. Он словно гипнотизировал. Сквозь веселый шум его слова без препятствий проникали прямо в мозг.

Что сказать о его характере? Очень замкнутый, осторожный и недоверчивый. При этом имел силу, но не пользовался ею. Его никогда никто не трогал в школе, хотя был он щуплым.

Какое-то неосознанное уважение вызывал он у старшеклассников. При этом почти никогда не дрался. В нем был потенциал директора фирмы, но он всю свою недолгую пока карьеру работал лишь разнорабочим у себя в станице Мироновской. Вот так, в нескольких словах, можно описать Егора Медянова, простого двадцатипятилетнего парня из Луганской глубинки.

Сейчас он был далеко от дома, в стольном украинском граде искал место, где можно заработать. Но ничего не клеилось. Отгремел Евромайдан, и кругом была разруха. Не столько территорий, сколько умов людских и жизней. Очень не повезло Егору. Приехал, чтобы попытаться счастья, а тут этот Майдан: свержение власти, убийства, выстрелы, разбои. Все не в руку. Он чувствовал себя самым большим неудачником. Приехал в Киев как раз под Новый год, и тут понеслось. Небольшая накопленная сумма уже почти закончилась, а работы не было даже на горизонте. Он бродил по темным и холодным улочкам, размышляя над своими дальнейшими действиями. И ничего лучшего, чем вернуться домой, он не мог придумать.

«Дома одинокая мама, ей надо помогать. И так уже несколько месяцев не видел ее», – размышлял Медянов. Свою маму Егор считал лучшим другом. Без нее ему было бы невозможно одиноко и тоскливо.

А еще дома его ждала Вероника, ждала Егора с хорошими новостями и хорошими деньгами. Но ни того, ни другого не было. В затруднительное положение попал Медянов. Он не знал, что делать. Разве он виноват в том, что сейчас никто не берет на работу? Разве он устроил этот переворот? Нет, ему всего лишь не повезло, не угадал со временем. Что он мог с этим поделаться? Была ли здесь его вина? Однако Ника все повернет именно так. От этого на душе становилось противно, ведь она его не поймет, не простит и не поддержит. Многие думают, что основной стартовый капитал – это деньги. Нет, друзья мои, на самом деле это – вера. А в него она не верила. Из-за этого он и сам в себе разуверился и разочаровался.

«Почему мне так не везет? – думал Егор. – Неужели назад придется возвращаться с пустыми руками? Даже с убытками. Все деньги, накопленные за последние годы, сожрала столица. Как жить-то?»

Он сидел во дворах на окраине города. Темень, холодно, грязь, ветер и противная слякоть. Никого не было, даже свет в окнах домов почти не горел. Вдруг появился, пошатываясь, какой-то мужчина, несколько раз споткнулся и рухнул в грязный снег. Начал что-то нечленораздельно, но громко говорить, ругаться. Он барахтался, пытаясь подняться, только ничего не получалось. У Медянова закралась нехорошая мыслишка. Егор быстро, но внимательно огляделся по сторонам. Убедившись, что никого поблизости нет, он поглубже укутался в куртку, ссутулился и медленной походкой направился к пьяному. Егор сделал вид, что проходит мимо, как вдруг с размаху ударил мужика ногой. Тот перевернулся на спину, попытался что-то сказать, но получил удар ботинком в лицо и затих. Медянов разглядел, что одет мужчина довольно прилично. Он пошарил по карманам пьянчуги, нашел два телефона, один из которых был явно дорогой, и портмоне. Из кошелька приветливо улыбалась пара тысяч гривен. Для Егора это были хорошие деньги. И вдруг в голове как вспышка...

Он возле церкви. Вокруг горят факелы, молодые парни в балаклавах, с цепями и битами, окружили храм. У некоторых красно-черная символика. Они выкрикивают ругательства: «Прочь с нашей земли, русские оккупанты! Нам не нужны ваши церкви! Прочь! Мы их уничтожим!» – летят слова из их глоток. Настроена толпа более чем агрессивно. Все понимают, что трагедии не избежать. Сотни человек стоят возле храма. Вскоре он вспыхнет и будет гореть. А внутри – люди! Простые прихожане, пришедшие помолиться и поставить свечку, священнослужители, ключницы... Они в ловушке. На мороз в одной рясе выходит настоятель храма. У батюшки большой крест на груди, уверенный взгляд. Он молча смотрит вокруг и, перекрестившись, возвращается в храм. Вслед ему летят камни, кто-то кинул несколько факелов. Вдруг дверь храма снова открывается, и начинают выходить люди, в основном женщины, с батюшкой во главе. Они полукольцом безмолвно становятся вокруг храма. Егор, стоявший чуть поодаль,

неожиданно для самого себя, повинуясь какому-то необъяснимому порыву, бросается к прихожанам и становится с ними в один ряд. В этот момент они берутся за руки, и несколько женщин начинают благоговейно петь молитвы. А камни и ругательства все летят. И все же в тот вечер ничего плохого не случилось. Митингующие в итоге разошлись. Церковь отделалась несколькими разбитыми стеклами.

– Господи, что же я делаю?.. – вслух сказал Егор, вернул мужику награбленное и бросился бежать.

...Поезд привычно шумел. Народ развлекался как мог: одни разгадывали кроссворды, другие выпивали, третьи пытались познакомиться с молодой проводницей. Обычная жизнь любого поезда на территории бывшего СССР. У Егора были противоречивые чувства: радость от возвращения домой после нескольких месяцев мытарств и тревога от предстоящего очередного разочарования Ники. Вероника наконец утвердится в своем мнении, что Егор – никто и не способен ничего добиться.

Через час его остановка – станция Мироновская. Егор редко уезжал из дома, но всегда с удовольствием возвращался. Поезд сбавлял скорость, колеса крутились все медленнее. Маленькая, полузаброшенная железнодорожная станция приветливо встретила его родными, хорошо знакомыми местами.

– О, Медный! – окликнули его. – Ты, что ли? Давно тебя не видно было... Где пропадал?

К нему подошла небольшая компания с пивом и сигаретами. Подростки кутались в старые куртки, шмыгали носами и терли замерзающие руки.

– Да в Киев ездил.

– А, точно. Кто-то говорил. Ну и что там, в столице-то?

– Да ничего, беспредел сплошной. Майдан очередной. В этот раз они-таки скинули власть.

– Уроды. Слышал, в Крыму уже вежливые человечки. Скоро там референдум проведут о присоединении к России.

– Нет, я как-то пропустил это.

– Да весь юго-восток гудит. В Луганске недавно стрельба была, разборки. Харьков бунтует, Донецк, Одесса.

– Судя по всему, не утихнет скоро, – резюмировал Егор.

– Медный, давай бухнем. Деньги-то есть?

Выпить ему сейчас не помешало бы. Не хотелось ни домой к матери, ни к Нике. Но и денег не было.

– Я с дороги, устал. Потом как-нибудь.

– Ну смотри сам, как знаешь.

– Вы это, Нику мою не видели? – зачем-то спросил Егор.

– Да нет, она же не выходит. Холода, а у нее уже пузо какое!

Медянов махнул рукой и побрел к дому. Уже вечерело. Темный дым густо валил из труб. В домах станции Мироновской включали свет. Где-то еще висели новогодние гирлянды, возле некоторых дворов стояли украшенные елки. Но это только усугубляло убогий вид поселка. Вот появятся свежие листья, раскроются цветы, разыграются птицы, тогда и разруха будет не такой заметной.

Он дошел до своего тупичка. Улица, на которой жил Медянов, заканчивалась высоким кирпичным забором, за ним умирали пустующие цеха небольшого заводика, который раньше кормил всю станцию. После развала Советского Союза завод пришел в упадок и через несколько лет закрылся. Но даже после этого предприятие продолжало какое-то время кормить здешний люд своим металлоломом. «Медный» тоже лазил туда с друзьями и забирал все, что плохо лежит.

Мать уже спала, окна не горели. Он присел на лавочку за двором и закурил. Облокотился на холодный шифер и посмотрел на красный кирпичный забор в тупике, его еще можно было разглядеть. Егор размышлял, почему все пришло в запустение, кто виноват в этом: распавшееся государство или распадающиеся люди? Вот и сейчас Украина рушится. А может быть, нет? Может, мы слишком пессимистичны?

«В чем смысл этих твоих рассуждений, ведь ты все равно ни на что повлиять на самом деле не способен... – вздохнул Медянов. – Это действительно так. Ведь ты неудачник. Тебе осталось только смотреть истории успешных людей по телевизору. Я, кстати, запомнил: я тебе уже говорил, что ты неудачник? Да? Хорошо. Запомни это на всю жизнь!»

У Егора были ключи от дома, но он предварительно сильно постучал в окно. Зайди он в дом без стука, сонная мама могла бы просто испугаться.

Услышал, что в доме начали ходить, в дальней комнате зажегся свет. Открыл калитку и вошел в небольшой дворик, поднялся по хлипким деревянным ступеням, споткнувшись, и вошел в сени. Мама уже выглянула к нему навстречу.

– Привет, мамочка. Ну чего ты плачешь? Хлебом тебя не корми, дай поплакать.

– Сынок. Да ты с того Киева проклятого вернулся?! Знал бы ты, как я переживала.

– Ну, с Киева. Не с войны же.

А сам снова вспомнил про оборону церкви, про живую цепь, защищавшую храм от националистов.

– Да нам тут показывали, что творилось у вас там. Как я переживала...

– Мамуль, ну что ты, в самом деле. Это все только в центре было. Я этого Майдана и не видел толком. Раз только прогулялся на площадь Независимости.

– Ну, главное, что живой. Ты кушать хочешь?

– Да утром уже. Устал я что-то с дороги.

Нормально поспать не получилось. Он то проваливался в сон, то снова накатывали переживания и мысли о дне завтрашнем. Все сходилось в одной точке – Вероника. Не повезло ему. Не всегда получается, как хочется и мечтается. Впереди предстояла встреча с главной девушкой его жизни. Не было никого до нее, не будет после. Она единственная. А он ее разочарует. И снова упреки: «Ты не мужик. Вон на других посмотри. У всех машины, дома, работа в Европе. А ты – нищесбород». Вот такие тупики почему-то постоянно образуются в его жизни, думал Егор. И кто так криво строит дороги судеб, что они постоянно приводят в тупик? Взять бы базуку и разнести его!

Пасмурное утро давило на голову. Вставать не хотелось. Мать, Ульяна, которую все называли Уля, пришла в комнату, и они долго говорили. Он позавтракал свежее испеченными пирожками, запив их компотом. На улицу не хотелось. Казалось, что прямо за дверями стоит Ника и ждет его, а в руках у нее древнегреческий пергамент с сакральными претензиями, написанными еще во времена сотворения мира. Он побродил по дому, пытаясь найти себе применение. Сел у окна и смотрел на капающий дождик. Не хотелось ничего.

Ощущение ненужности заполонило его. «Вот говорят, что нужно ценить каждый день, использовать каждую свою минуту, чтобы она не пропала даром. По-моему, это бред. Я, наоборот, хотел бы промотать несколько лет, как на кассете. Несколько неприятных лет», – думал Егор. Однако сам он не мог ответить на один простой вопрос: какие годы надо промотать – предыдущие или последующие?

Выйдя покурить за двор, он встретил Андрюху Шишкова, который жил у самого кирпичного забора. Оба учились в разных классах, Андрей был на пару лет старше, но это не мешало им дружить. После того как Шишков окончил школу и уехал учиться в Луганск, они редко общались, виделись всего пару раз.

Егор обрадованно улыбнулся, увидев старого друга. Хоть какие-то положительные эмоции! Андрюха сначала не поверил своим глазам.

– Медный, ты, что ли? – наигранно выпучил глаза.

– Ну, а кто еще?

Андрей подбежал к нему, подхватил.

– Старик, сколько я тебя не видел, а? Года три уже! – с широкого лица Шишкова не сползала улыбка. – Как поживаешь, брат? – тоже достал сигарету.

– Да... Могло быть и лучше. Только из Киева вернулся, ни копейки там не заработал, только потратил. Короче, не буду тебя грузить. А так нормально все. Все, как всегда, Андрюха!

– Ты все так же с Никой встречаешься?

– Если это можно назвать отношениями вообще. Она ждет ребенка, а у меня денег нет. То есть совсем нет. Вот, плодим нищету.

– Да не вешай нос. Ты знаешь, жизнь – это синусоида...

– Мы что, на уроке геометрии?

– Э-э-э, жизнь – это волна, Медный. Иногда ты на ее гребне, иногда она тебя сбивает с ног. В общем, ты либо на коне, либо под конем.

– Да понял я твои аналогии. Только что-то я белых полос сосчитать на своем пути не могу, – съязвил Егор.

– Так, брат, что-то не нравится мне все это. Хватит хандрить. Бери ноги в руки – и вперед!

– И в тупик, – Медянов махнул рукой на кирпичный забор.

– Веришь, что в этой жизни не бывает совпадений?

– Не верю.

– Правильно я понял, что ты без работы сидишь, так?

– В точку.

– Смотри, я могу тебя пристроить в автосервис. Правда, он находится в Ленинске.

– И как ты меня устроишь туда?

– Я тебя найму. Я совладелец бизнеса.

Егор, сам того не заметив, повеселел.

– Какие люди, так ты бизнесмен теперь? – без тени иронии сказал он.

– Ну, а ты как думал? Все наладится, братишка. Но учти, мне такие унылые рожи, как у тебя была только что, не нужны, – засмеялся Андрюха. – Придется ездить, конечно, в Ленинск, но что уж поделать, все равно город близко. Не в станице же торчать. Тут вообще делать нечего.

– Ты все это серьезно? Реально возьмешь меня на работу?

– Я бы такими вещами не шутил. Ты же мой друг, хоть не виделись много лет. Но я помогу всегда, если в силах. Поэтому приезжай завтра в автосервис, там поговорим о делах. Кстати, да, телефон свой оставь.

Они постояли еще немного. У Медного появилась надежда: будет работа, будут и деньги, так что он сможет прокормить семью. Может, действительно, белая полоса началась? Стоило вернуться домой, как подвернулись новые возможности.

«Это очень хорошо, – думал Медянов. – Я смогу смягчить Нику. Может быть, она даже обрадуется». Он хотел верить, что дела пошли на лад.

Друзья крепко пожали друг другу руки, и Андрей пошел по своим делам. Случайностей не бывает, но Егор об этом не знал в тот пасмурный и холодный весенний день. Свежие запахи новой жизни, нового расцвета уже летали в воздухе. Природа готовилась к очередному буйству красок и запахов. К новому бою за свои отношения готовился и он, ему верилось в лучшее.

Ближе к вечеру Егор снова вышел за двор взглянуть на станицу. Неспешно прогулялся по своей улице, свернул после этого направо, в сторону центра поселка, где находились неработающий дом культуры, магазины и бар. Рядом с центром жила и Вероника. Стены ее дома казались новыми и прочными, в отличие от покосившихся соседних домиков. Понятно было, что здесь живут люди небедные и работающие. Новый кованый забор, пластиковые окна с жалюзи, большой гараж, рассчитанный на несколько машин. Хотя у отца Ники был один старенький

джип. Медянов выкурил сигарету, стоя напротив ее дома. Недалеко играла детвора, каталась на велосипедах, радовалась, предчувствуя скорое тепло. В доме зажегся свет, появились силуэты. Он узнал Нику по округлому животу. Решительно шагнул к воротам и позвонил. Вышла ее мать, тетя Зоя. Хмуро глянула на жениха, попросила подождать, в дом приглашать не стала. «Собак на порог не пускают», – весело хмыкнул Егор. У него было обоснованно хорошее настроение после встречи с другом. Минут через десять вышла Вероника. Сначала из-за ворот показался ее большой живот. «Богатырь будет», – улыбнулся будущий отец.

У нее были немного раскосые глаза, которые делали ее похожей на азиатку, совсем чуть-чуть. Недлинные кудрявые волосы, вздернутый носик, тонкие розовые губы. Ника зачастую выказывала недовольство без слов, но ее настроение было понятно: кислое выражение лица. Она могла одним своим присутствием испортить настроение. Она могла напугать и сделать безрадостной даже весну и грядущее тепло. Не Снежная Королева, но ее младшая сестра. Как судьба связала этих двух совершенно разных людей? Ведь не в беременности же дело.

– Вернулся-таки, нагулялся в Киеве? – Она при помощи Егора тяжело села на лавку.

– Ну зачем ты так? Я скучал.

– Знаю я ваши скучания, до первой юбки.

– Да хватит уже. Как беременность?

– Нормально, солдат спит, служба идет, – усмехнулась Ника.

– Тебе когда рожать?

– Через три недели. Скоро уже.

– Не волнуйся, все пройдет хорошо.

– А что мне волноваться? Я-то рожу, а дальше что?

– Я работу нашел. В автосервисе. Представляешь, Андрюху Шишкова встретил, а у него свой бизнес...

– Андрюха-то молодец. Да и ты молодец, что нашел работу. Только поздно. Я много думала, у меня было на это время. Все равно у нас ничего не получится. Понимаешь, я не вижу нас вместе в будущем, – бесстрастно говорила Вероника. – Ты, конечно, вроде как отец ребенка. Видеться я не буду запрещать. Но мы не семья.

– Ника, послушай, мы ведь даже не пробовали... Ни дня вместе не жили, – начал нервничать Егор, пытался найти какие-то аргументы.

– Да мне легче и не начинать с тобой жить, понимаешь? Будем снимать свой угол? Я в декрете, а ты? Копейки будешь приносить? Это не то, о чем я мечтала. Мне легче со своими родителями остаться жить. А там, глядишь, какой-нибудь нормальный мужик с дитем и возьмет. Между нами давно все было кончено, просто мы этого не понимали. Я доверяла тебе, верила в то, что ты чего-то добьешься. Но ты неудачник. Прости, конечно. У меня будет ребенок, я должна думать о его будущем, если ты уж не думаешь о нашем.

– Да я думаю! Я все время ишу работу, чтобы заработать на кусок хлеба! В этот Киев поганый ездил.

– Видишь, ты даже в большом городе не смог устроиться. Вернулся ни с чем. Люди уезжают в столицы, возвращаются с большими деньгами. А ты... Что ребенку скажешь? Чему научишь? Что оставишь?

– Ты сама боишься менять свою жизнь. Ты чего достигла? – сказав это, Егор понял, что его понесло совершенно не туда.

– Я? Я хрупкая женщина. И именно я решила, что буду рожать, когда залетела. И это ты мне должен быть благодарен, что выносила твоего ребенка. Я вижу, что уважения между нами нет. С твоих слов это понятно.

– Вспомнить, сколько ты мне гадостей наговорила? – Медянов осознавал, что вся суэта последних лет сейчас провалится в тартарары. Нормальной семьи не будет. Не получилось.

– Послушай, у нас будет ребенок. Общий, – решила подытожить Вероника. – Давай сохраним крупницы того хорошего отношения друг к другу, что остались.

Егор в сердцах выругался, плюнул на ворота и ушел, даже не помог подняться беременной Нике. Удивительно, но, несмотря на все, ему стало немного легче. С него сняли ответственность. Последние месяцы, а то и годы, он делал то, что хотели от него окружающие. В частности, Вероника. И ничего из этого не получалось. «Может, заняться тем, что нужно мне?» – подумал он. Да, ребенка оставить решила именно она. У него же тогда вообще не было четкой позиции. Сам Егор вырос без отца и особо не жаловался. Но оставлять своего собственного ребенка без отца тоже не хотел. Он долго метался, пока Ника сама не приняла твердое решение.

Легче стало совсем на чуть-чуть. После этого накатило чувство потери. Сколько лет они пытались построить отношения? Десять или пятнадцать? Если брать за начало отсчета младшие классы, большая часть жизни была связана с этой девушкой. И вот она скоро станет матерью его ребенка, а... а они чужие люди. Всегда можно сказать, что, мол, девки нынче пошли корыстные и недостойные. Но он понимал, что именно на нем лежит большая вина за то, что у них ничего не вышло.

Медянов шел, куда глаза глядят. Просто чтобы отвлечься, подумать о хорошем. Например, как он на быстрой скорости едет на дорогой иномарке по ночному городу. Неосознанно он пришел к «Мосту влюбленных». Да, такой мост есть даже в захолустной станице Мироновской. Тоненькая речушка задорно бежала, освободившись ото льда. По ней мелкими каплями бил холодный дождик. Металлический мост был скользкий, ржавый и неприветливый. Самое место для влюбленных. Здесь висели десятки замков с чужими именами, но где-то был свой, родной. Да вот он, с облезшей надписью «Егор и Ника вместе навсегда» и какой-то покореженный, точно его фомкой ломали. Сколько им было, когда они, целуясь томным вечером, повесили этот замок? Лет шестнадцать. «Господи, восемь лет назад!» – удивился Медянов. Он резко сошел с моста, нашел увесистый камень и, подойдя к замку, сбил его, бросил в реку. Прощай, любовь, здравствуй, взрослая жизнь. Егор положил руки на перила, уткнулся в них лицом. Он хотел заплакать, даже несколько всхлипов выдавил из себя, но слезы не шли. «Может, я и не любил ее?... – подумалось ему. – Или давно уже все перегорело...»

Надо было учиться жить без нее. Самое противное, что Нику все равно не вычеркнуть из жизни, ведь она родит его ребенка. Справится ли он с этим? Вдруг у них снова разгорятся чувства? У женщин так бывает. Наверняка после родов в ней что-то изменится, она станет мамой. Она станет мягче и добрей. «Поэтому нельзя ставить крест на этих отношениях. Все может быть впереди», – размышлял Егор, выйдя на окраину поселка и всматриваясь в серые поля. «Что сейчас главное? Показать, что я на что-то гожусь. Самому себе доказать. Андрюха на работу позвал. Вот завтра прямо с утра к нему и поеду, договоримся, начну работать. А там, глядишь, все наладится, если суждено».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.